

В. И. САЛОВ

ВТОРЖЕНИЕ ПСИХОАНАЛИЗА В БУРЖУАЗНУЮ ИСТОРИОГРАФИЮ

Историческая наука сознательно или стихийно всегда руководствуется определенными философско-методологическими принципами, на основе которых она познает и интерпретирует исторический процесс. Это общее положение относится ко всем этапам ее развития, в том числе и к весьма сложному современному историографическому процессу, в котором явно выступают основные противоборствующие силы — марксистско-ленинская и буржуазная методология. Марксистско-ленинская историография, раскрывая объективную закономерность исторического процесса, проявляет большой интерес и к изучению его психологического аспекта. Марксистский подход к истории требует использования данных психологии, в которой как бы фокусируются сведения о социальной и биологической природе человеческого бытия. Она является своеобразным катализатором всех общественно-социальных процессов. Говоря о значении психологического элемента, В. И. Ленин отмечал, что к «массам надо научиться подходить особенно терпеливо и осторожно, чтобы уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы»¹. В. И. Ленин призывал выявлять и изучать такие социально-психологические факторы, как сознательность, энтузиазм, героизм народных масс; решительность и упорство трудящихся, их сочувствия и симпатии, недовольство и возмущение, отчаяние и усталость².

Иначе освещают данную проблему историки противоположного идеологического лагеря. Прикрываясь фальшивыми рассуждениями о том, будто марксистская историческая мысль отстаивает и идеализирует «оптимистический рационалистический образ человека» и «недооценивает сложность человеческих страстей», они пытаются психологизировать историческое развитие. Эта тенденция яснее всего проступает тогда, когда исторические явления освещаются с помощью субъективной психологии. Выявлению основных черт так называемого психоаналитического историзма и посвящена данная статья.

В наше время психоанализ распростер свое влияние на многие интеллектуально-культурные сферы буржуазного мира. Его представители пытаются ныне расширить круг своего воздействия и за счет исторической науки, которая по-прежнему сохраняет характерное для нее разнообразие идеологических течений и оттенков. Особенно глубоко психоаналити-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 192.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 58; т. 25, стр. 342; т. 26, стр. 319; т. 39, стр. 305; т. 43, стр. 60, 308, 401; т. 44, стр. 348; т. 45, стр. 112, и др. Эти вопросы освещены в работах: Б. Ф. Поршнева. В. И. Ленин и проблемы социальной психологии. М., 1969; его же. Социальная психология и история. М., 1966; «История и психология». М., 1971.

ческая болезнь поразила историческое мышление в США. Профессор Гарвардского университета У. Лангер, выступая в 1957 г. в качестве президента Американской ассоциации историков, не оставил места для каких-либо иллюзий о ее основной ориентации. Высоко оценив уже сделанную психоаналитиками работу, он заявил, что использование их метода должно стать «непосредственной задачей» всех историков³. Это обращение нашло самый широкий отклик среди многочисленных его коллег. Об основателе психоанализа, Фрейде, историки заговорили как об исследователе, который открыл для них «неизвестные края человеческой души»⁴. Согласно кредо американских адептов фрейдизма «история — это массовая психология, а ее анализ — чистый психологизм»⁵. Работы недавно умершего директора психиатрического и психосоматического института в Лос-Анджелесе Ф. Александера, принадлежавшего к так называемой чикагской школе, труды американских историков-неофрейдистов последних лет свидетельствуют об усиливающемся воздействии психоанализа на американскую историографию⁶.

По стопам своих заокеанских единомышленников идут и буржуазные историки Западной Европы. Примечательно, что подобных взглядов стали ныне придерживаться даже те историки, которые по своему историческому восприятию мира, казалось, должны были чуждаться их. Так, в исторической мысли ФРГ, в течение длительного времени не признававшей психоаналитический метод, в последние годы произошла определенная переориентация. Общеисторический журнал в ФРГ — «Historische Zeitschrift», отстаивавший верность принципам неокантианства, недавно опубликовал работу Г.-У. Велера, в которой говорится о том, что психоаналитический подход якобы «весьма плодотворен для исторической науки», позволяя историку при помощи психосоциального механизма «открыть в прошлом нечто новое»⁷.

Отмеченная эволюция в западногерманской буржуазной историографии в оценке психоанализа отразилась и в докладе нынешнего председателя союза историков ФРГ Т. Шидера на XIII Международном конгрессе исторических наук. Характеризуя «фрейдистскую концепцию подсознательного мотива», он писал: «Бессознательные мотивы, так же как и осознанные, имеют форму интерпретированных потребностей, потому что они даны в символических связях и могут быть использованы для понимания сущности этих потребностей». Как явствует из доклада, Т. Шидер признал необходимым шире включить в анализ исторических феноменов подсознательные мотивировки, открытые психоанализом, и вводить в научный оборот «слои символического содержания»⁸.

В таких теоретических конструкциях сказывается не столько влияние американского историографического неофрейдизма, сколько то, что в западногерманской исторической науке все более укрепляется «самобытное» психоаналитическое движение, представленное директором франкфуртского института им. З. Фрейда А. Мичерлихом, его учениками и последо-

³ W. L a n g e r. The Next Assignment. — «American Historical Review», January 1958, p. 283—304.

⁴ «Freud and the 20th Century». New York, 1957, p. 142.

⁵ «American History and Social Sciences». Ed. by N. Saveth. London, 1964, p. 243; см. также «Psychoanalysis and History». Ed. by B. Mazlish. New York, 1963; K. R. E i s l e r. Freud and the Psychoanalysis of History. — «Journal of the American Psychoanalytic Association», 1963, p. 675—703.

⁶ F. A l e x a n d e r. Our Age of Unreason. A Study of the Irrational Forces in Social Life. New York, 1962; е р о ж е. Freud in der Gegenwart. Frankfurt a/M.; е р о ж е. Psychoanalysis and Psychotherapy. New York, 1956; «The Psychoanalytic Interpretation of History». Ed. by Wolman. New York, 1971.

⁷ H.-U. W e h l e r. Zum Verhältnis von Geschichtswissenschaft und Psychoanalyse. — «Historische Zeitschrift», Bd. 208, H. 3, Juni 1969, S. 537—549; «Geschichtswissenschaft und Psychoanalyse». Hrsg. von H.-U. Wehler. Frankfurt a/M., 1970.

⁸ Т. Шидер. Различия между историческим методом и методом социальных наук. М., 1970, стр. 18.

вателями. Если в 1956 г. на конференции, посвященной Фрейдю, они еще лишь в декларативной форме заявили о своем психоаналитическом подходе к анализу истории⁹, то затем их активность все более возрастала. Методологические установки школы Мичерлиха выражены в докладе гейдельбергского психоаналитика Ванды фон Бейер¹⁰.

За последнее время психоанализ в ФРГ заявил о себе не только в многочисленных работах А. Мичерлиха, которые отражают психоаналитический подход к освещению основных проблем новейшей истории (первая и вторая мировые войны, фашизм, революционное движение), но и во всякого рода коллективных сборниках, на симпозиумах и конференциях историков-неофрейдистов¹¹. Произведения подобного рода стали беспрецедентными для западногерманской историографии бестселлерами. Пытаясь затуманить революционный смысл общественно-политических сдвигов послевоенного периода, психоаналитики твердят о так называемой «сексуальной революции», охватившей якобы современный мир; эта тема пользуется общественным признанием и принимается как должное даже принципиальными противниками психоанализа¹².

В унисон с американскими и западногерманскими авторами высказываются и некоторые французские буржуазные историки, отношение которых к психогенетическому методу нашло свое отражение на страницах журнала «Annales». Он признает за психоанализом «право гражданства среди других исторических методов», но при этом выступает против претензии психоанализа «на то, чтобы возобладать над ними или подменять их». По мнению авторов журнала, психоаналитический метод может быть использован «для понимания и интерпретации смысла и причин исторических феноменов». Он доказывает его большую эффективность при отборе и анализе «побудительных причин внутриспсихического порядка, а также фантазий, которые определяют поведение как отдельной личности, так и социальных и исторических групп»¹³.

К подобным истолкователям психогенезиса принадлежит и французский профессор А. Дюпрон. В докладе, прочитанном на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме в 1960 г., он призывал историков сочетать методы психоанализа в применении к индивидуумам с методами «коллективной психологии» и, таким образом, стать «терапевтами социальных групп». На XIII Международном конгрессе А. Дюпрон утверждал, что мир «душевных глубин», «коллективное подсознание» является «основой человеческого опыта», и может быть раскрыто лишь благодаря «гениальной интуиции Фрейда»¹⁴. Конкретной иллюстрацией этому могут служить поиски в «глубинах подсознания» идеи единства христиан, которая «в течение тысячелетий жила в коллективной душе

⁹ «Freud in der Gegenwart». Frankfurt a/M., 1957.

¹⁰ W. von B a y e r. Die Methode Sigmund Freuds bei der psychoanalytischen Analyse historischer Prozesse. — «Zeitschrift für Politik», 1965, H. I, S. 74.

¹¹ См. А. М и т с ч е р л и х. Die Unfähigkeit zu trauern. Grundlagen kollektiven Verhaltens. München, 1967; ег о ж е. Das beschädigte Leben. München, 1967; ег о ж е (Hrsg.). Bis hierher und nicht weiter: ist die menschliche Aggression unbefriedbar? München, 1969; А. М и т с ч е р л и х, F. М и е л к е. Medizin ohne Menschlichkeit. Dokumente des Nürnberger Ärzteprozesses. Frankfurt a/M., 1968; Ch. de B o o r, K. H ü g e l (Hrsg.). Psychoanalyse und soziale Verantwortung. — «Eine Festschrift für A. Mitscherlich zu seinem 60. Geburtstag». Stuttgart, 1968; «Fortschritt der Psychoanalyse» Bd. 1—3. Göttingen, 1964—1969.

¹² W. R e i c h. The Sexual Revolution. New York, 1962.

¹³ G. D e v e r e u x. La psychoanalyse et l'histoire. Une application à l'histoire de Sparte. — «Annales», 1965, № 1, p. 18, 23, 43.

¹⁴ А. Д у п р о н. Problèmes et méthodes d'une histoire de la psychologie collective. — «XIe Congrès international des sciences historiques. Resumés des communications». Stockholm, 1960, p. 28; ег о ж е. Problèmes et méthodes d'une histoire de la psychologie collective. — «Annales», 1961, № 1; ег о ж е. Язык и история. М., 1970, стр. 37.

западного мира». На основе подобных изысканий им и сконструирована «коллективная душа Европы периода новой истории»¹⁵.

Профессор Сорбонны А. Безансон, говоря о том, что «психоаналитический империализм» не встречает на своем пути препятствий, высказывается за «контроль со стороны истории над этими (психоаналитическими. — В. С.) тоталитарными схемами»¹⁶. Однако в своей историографической практике он недвусмысленно заигрывает с фрейдизмом, и, соединив его с мистицизмом, пытается «расшифровать подсознательное начало русского народа» через так называемую «эдипову ситуацию»¹⁷ (неосознанное, сексуально окрашенное отношение ребенка к родителям).

Однако совершенно ясно, что малейшие уступки психоанализу со стороны историков, рассуждения о «диалоге с Фрейдом» на основе «взаимного контроля как со стороны психоанализа, так и со стороны истории», ведут к поглощению истории психоанализом. Недаром еще сам Фрейд говорил: «Дай психоанализу палец, потеряешь всю руку»¹⁸.

Чтобы вскрыть причину распространения психоанализа в историографии и подкрепить вескими доказательствами свою точку зрения, следует установить его научную и классовую сущность, определить концепции и теории, лежащие в его основе, уяснить символическую терминологию психоаналитиков.

Проникновению психоанализа в историческую науку в значительной степени способствовало недостаточное внимание историков к проблемам социальной психологии, в результате чего образовался определенный вакуум, который и заполнил психоанализ. К тому же, как справедливо отметил советский исследователь Ф. В. Бассин, распространение психоанализа объясняется еще и тем, что его сторонники привлекли внимание исследователей к аффективной жизни человека, к трагическим противоречиям между сферой «желаемого» и «должного», к проблеме переживаемых и скрытых влечений и конфликтов, возникающих между различными мотивами действий индивидуума. Однако сторонники психоаналитического метода абсолютизировали эти проблемы и дали им ложное толкование¹⁹.

Данная область исследований представлена различными направлениями. Одно из них — ортодоксальный фрейдистский психоанализ. З. Фрейд²⁰ и его многочисленные последователи приписывают половому инстинкту — так называемому «либидо» (*лат.* — страсть) главную роль в действии личности²¹.

¹⁵ А. Д ю п р о н. Единство христиан и единство Европы в период новой истории. М., 1970, стр. 10, 17.

¹⁶ А. B e s a n ç o n. Histoire et psychoanalyse. — «Annales», 1964, № 2, p. 246—248; e г o ж e. Psychoanalysis: Auxiliary Science or Historical Method? — «Journal of Contemporary History», 1968, vol. 3, № 2.

¹⁷ А. B e s a n ç o n. Le tsarévitch immolé. Paris, 1967. Буржуазная критика уже обратила внимание на то, что А. Безансон «не прилагает никаких усилий к тому, чтобы объяснить утвердить ценность фрейдистской концепции... которая служит ему для создания структуры русской истории... Наоборот, он делает так, чтобы мы приняли как свершившийся факт или как закон существование подсознательного в истории, неизбежность и постоянство эдиповой фатальности, и, наконец... тиранию исторического прошлого над психологией народа, что никогда не было доказано ни Фрейдом, ни кем-либо из его эпигонов». — «Psychoanalyse et l'histoire: le cas d'Allain Besançon». — «Canadian Slavic Studies», 1970, № 4.

¹⁸ Цит. по: В. М. М о р о з о в. О современных направлениях в зарубежной психиатрии и их идейных истоках. М., 1961, стр. 128.

¹⁹ Ф. В. Б а с с и н. Проблема «бессознательного». О неосознаваемых формах высшей нервной деятельности. М., 1968, стр. 385.

²⁰ См. S. F r e u d. Werke, Bd. 1—17. Frankfurt a/M., 1964—1968; P. R o a z e n. Freud: Political and Social Thought. New York, 1968.

²¹ См. Б. Э. Б ы х о в с к и й. Метапсихология Фрейда. Минск, 1926; И. Т. К у р ц и н. Критика фрейдизма в медицине и физиологии. М.—Л., 1965; К. И. С о б о л ь. Философские принципы психоаналитической теории З. Фрейда. Горький, 1969, стр. 16; Г. У э л л с. Крах психоанализа. От Фрейда к Фромму. М., 1968, стр. 29.

Для этой доктрины характерно расщепление внутреннего мира личности на сознательное и подсознательное, причем главный акцент делается на том, что в жизни людей и общества в целом якобы безраздельно господствуют бессознательные инстинкты²². В представлениях Фрейда и его эпигонов сексуальное и есть первопричина социального²³.

С неофрейдизмом тесно связана так называемая «глубинная психология», хотя ее представители на словах отвергают фрейдовский пансексуализм. Они считают, что духовная жизнь человека определяется не только психологическими травмами раннего детства и не только так называемым эдиповым комплексом, но и расшатыванием сверхличных психических образований и коллективных норм²⁴. Бессознательному отдельной личности в «глубинной психологии» противопоставляется коллективное подсознание и коллективные аффекты. Коллективное подсознание, по словам А. Дюпрона, представляет «основной план фасада истории». Определяя задачи исторической науки, он призывает сосредоточиться на исследовании «коллективного подсознания, в котором заключена тайна смысла». И далее он разъясняет: «Но истинные поиски «смысла» — это всегда поиски «смысла» коллектива, ограниченного своим собственным опытом, своей таинственной жизнью»²⁵.

«Таинственная жизнь» складывается из многих инстинктивных проявлений, так называемых архетипов, разработанных еще в 20-х годах швейцарским философом К. Г. Юнгом, которого восхвалял в своем докладе А. Дюпрон. По словам последнего, архетипы и теперь якобы «сохраняют для историка всю свою первоначальную ценность озарения»²⁶. Архетипы (назовем в качестве примера архетип порядка и интеграции) — это имеющие субъективный характер структурные элементы «коллективной неосознанности», являющиеся прообразом всех психических переживаний личности.

Согласно «глубинной психологии» отношение личности и коллектива определяется так называемым комплексом Каспара Хаузера (назван по имени загадочного нюрнбергского найденыша, жившего в XIX в.), который с детства возникает у подростка, если он лишен родительской ласки²⁷. В таких случаях обостренное чувство отверженности, одиночества и скрытности сохраняется на всю жизнь, лишая личность «социальности и коммуникативности», т. е. склонности к установлению контактов с другими, связей с общественной жизнью, а эта разьединенность и обособленность обостряет и закрепляет индивидуальные особенности личности. Поэтому подобные особи больше других жаждут славы и власти, стремясь таким путем вознаградить себя за боль, которая гложет им душу. А если связи с обществом и устанавливаются, то они строятся на ненависти, зависти и злопамятстве, на стремлении причинить боль, грубо проникнуть в сферу сокровенных мыслей личности²⁸. Таким образом, насаждается идея о якобы естественном характере разлада и порабощения личности обществом, о неустранимости этого общественного недуга.

²² Э. Фрейд. Я и оно. Л., 1924; его же. По ту сторону удовольствия. М., 1925; его же. Бессознательное. М., 1925.

²³ См. Я. Щепаньский. Элементарные понятия социологии. М., 1969, стр. 67.

²⁴ A. M i t s c h e r l i c h. Auf dem Weg zur vaterlosen Gesellschaft. Ideen zur Sozialpsychologie. München, 1967.

²⁵ А. Дюпрон. Язык и история, стр. 4, 5.

²⁶ Там же, стр. 37.

²⁷ А. M i t s c h e r l i c h. Oedipus und Kaspar Hauser. — «Der Monat», 1950, № 1, S. 11—88.

²⁸ D. W y s s. Die tiefenpsychologischen Schulen von den Anfängen bis zur Gegenwart. Göttingen, 1966; J. R a t t n e r. Tiefenpsychologie und Politik. Eine Einführung in die politische Psychologie. Freiburg, 1970.

Некоторые сторонники психоанализа пытаются приобщить свои теории к марксизму, оповещая о якобы «гармоническом соединении Маркса с Фрейдом». Наиболее выпукло это стремление проступает в работах Э. Фромма, Г. Маркузе, К. Хорни и др. Фальшивые заверения авторов в верности марксизму опровергаются ими самими, хотя на словах они как будто бы и пытаются заменить биологическую ориентацию психоанализа — социальной. Исходным принципом для них остается ортодоксальная фрейдистская концепция. Так, оказывается, развитие человеческого общества (имеется в виду смена цивилизаций) характеризуется все более усиливающимся подавлением со стороны общества человеческих инстинктов и извечных внутренних конфликтов. Отсюда проистекают якобы извечные «драмы человечества»; стремящегося воплотить в жизнь «принцип удовлетворения» и «принцип пользы». Как справедливо замечает Г. Н. Уэллс, и в данном случае социальная среда для сторонников нефрейдизма служит только «декорацией», на фоне которой развивается напряженная психологическая драма противоречивых эмоций²⁹.

Признавая за психоанализом «первоначальную ценность озарения», А. Дюпрон пытался побудить историков дать «психоаналитическое прочтение мгновенных событий и пароксизмов истории» (указывая на необходимость исследовать «мир коллективной души», «мир душевных глубин» и «психику масс», чтобы «обнаружить игру иррациональной психики»), призывал изучать «коллективное подсознание (или подсознательность)». Исследуя коллективные аффекты и иррациональные порывы, ученый, по словам Дюпрона, должен лишь точно градуировать их. Отбор и оценка исторических фактов и документов в психоаналитических конструкциях носит субъективный характер. Дюпрон полагает, что метод прочтения исторического материала и овладения им является «не более как операцией выбора предпочтений, и, следовательно, методом открытого познания всевозможных смыслов». Историк руководствуется «преимущественно своим «внутренним» голосом, жаждой утешения и подтверждения своей правоты, может сопоставлять, сравнивать, обобщать «уникальности», но не имеет права заранее делать выводы, заранее экстраполировать». Решающая роль в процессе познания отводится самопогружению до глубин интуитивного усвоения фактов и документов, при помощи которого и может быть раскрыта эзотерическая, т. е. тайная сторона прошлого. Познание смысла исторического процесса — «уловить неуловимое», а это может быть достигнуто «разве что благодаря гениальной интуиции или «поэтическому» озарению»³⁰.

Здесь несомненна родственная связь современного психоанализа с интуитивизмом А. Бергсона и его последователей как в мировоззрении, так и в методе — в отказе от разумного осознания явлений исторической деятельности³¹.

Психоанализ — форма выражения иррационализма, своего рода путешествие за пределы рассудка. И можно согласиться с О. Андерле (директором института теоретической истории в Вене), который вынужден признать, что ныне «развитие европейской историографии (и не только европейской. — В. С.) характеризуется возрастающим значением иррациональных и мифологических элементов и постепенным удалением от рационалистического идеала естественно-научной эпохи»³².

²⁹ Г. Уэллс. Фрейдизм и его современные «реформы». — «Вопросы философии», 1959, № 6, стр. 107.

³⁰ См. А. Дюприн. Язык и история, стр. 3, 10, 28, 33, 34 и др.

³¹ А. Бергсон. Творческая эволюция. М.—СПб., 1914, стр. 149, 159; см. также F. Schottlaender. Das Ich und seine Welt. Stuttgart, 1959, S. 14.

³² O. Anderle. Das universalhistorische System A. J. Toynbee. Wien, 1955, S. 14.

Нынешний иррационально-мистический психогенезис идет от Шопенгауэра и Ницше (воля — субстанция человека, а интеллект — его акциденция), Бергсона и Джемса (жизненный порыв и бессознательный порыв, бессознательная воля) к Фрейду и его последователям (Фромм и др.)³³. Его сущность базируется на абсолютизации психических состояний и несовместима с подлинным историзмом, ибо исторические знания — это знания о развитии человеческого общества, т. е. о социальной сути событий.

Как же выглядят методы психоанализа в историографической практике, как муза истории Клио под пером психоаналитиков стала, если пользоваться терминологией Б. Мазлиша, «наложницей» психоистории?³⁴

Если судить об этих процессах по многочисленным «введениям к изучению психоистории», «пролегоменам в психоисторию», то психоаналитические изыскания в области истории представляют собой неструю смесь различных представлений об инстинктах, представлений, которые при бесчисленном множестве оттенков сводят поведение и всю жизнь исторической личности к игре бессознательных влечений и мотивов. При этом сторонники подобной концепции отнюдь не едины³⁵. Но общим для них остается одно: деятельность личности истолковывается в их концепциях только как следствие биологических и психофизиологических особенностей самого индивида, что ведет к грубому искажению самой проблемы личности, всегда связанной с противоборством классовых, социальных сил³⁶. Подмена исследования борьбы классов в рамках определенных социально-экономических структур и политических режимов психоанализом есть попытка свести все социальные конфликты, классовый гнет в истории общества к психофизиологическим факторам и, таким образом, снять ответственность с реакционных господствующих классов и их деятелей за эксплуатацию и насилие. Точно также интеллектуальное и художественное творчество лишаются социального аспекта и сводятся к подсознательным животным порывам.

Приведем примеры такого исследования. В жизнеописаниях Леонардо да Винчи, Микельанджело и Достоевского, принадлежащих перу Фрейда, творения этих интеллектуальных титанов предстают как символические образы вытесненных аффективных и инфантильных порывов, а вся их жизнь изображается на фоне непримиримого конфликта между внутренне присущей тягой к служению Эросу и бессознательным устремлением к смерти. Иными словами автор не верит в человека, в его созидательные возможности. Творческая личность унижается и низводится до животного, бессильного раба темных инстинктов, и именно такого рода освещение ныне превозносится как «новое» прочтение биографий великих деятелей прошлого³⁷. В том же духе американский неофрейдист К. Эйслер пишет о великом немецком поэте Гете³⁸. Обращает на себя внимание, что Безансон, характеризуя книгу гарвардского историка М. Малиа, заметил, что перенесение психоанализа в сферу истории засоряет ее символическими

³³ См. В. М. Морозов. Указ. соч.

³⁴ В. Mazlish. *Clio on the Couch. Prolegomena to Psycho-History*. — «Encounter», 1968, № 2, p. 46.

³⁵ Так, Г. Маркузе критикует своих коллег (Э. Фромм, К. Хорни и Г. Салливена) за то, что они не признают эротическую направленность бессознательного, которую он отстаивает вслед за Фрейдом. — Н. M a r k u s e. *Eros and Civilization*. Boston, 1955

³⁶ С. Вейцман. Борьба зарубежных марксистов против фрейдизма и неофрейдизма. — «Научные доклады высшей школы. Философские науки». М., 1961, Ф. М и х а й л о в. Гносеологические корни фрейдизма (автореф. канд. дисс). М., 1963; С. М. Черкасов. Истинная сущность неофрейдизма. Л., 1967.

³⁷ См. Ст. Ц в е й г. Зигмунд Фрейд. Собр. соч., т. XI. Л., 1932; E. J o n e s. *The Life and Work of Sigmund Freud*. New York, 1963.

³⁸ К. R. E i s l e r. Goethe. A Psychoanalytic Study (1775—1786), vol.1-2. Detroit, 1963.

терминами (сублимация, фрустрация и т. д.), и не только не помогает выяснению истины, а ведет к «катастрофическим результатам»³⁹.

В психоаналитических концепциях извращаются взаимоотношения личности и социальной среды. Исторические процессы объясняются аффектами и стрессами, душевными болезнями и нравственным безумием, иллюзорными фантазиями и одержимостью, т. е. второстепенными факторами⁴⁰. Общественно-историческая среда остается, как отмечалось уже выше, лишь не имеющим значения фоном, на котором разыгрывается напряженный внутренний бессознательный конфликт противоборствующих личностных эмоций. Более того, само общество формируется, согласно данной концепции, по образу невротических личностей. Психоаналитики претендуют на то, что они способны обнажить «вторую жизнь» исторической личности, проникнуть в сокровенную тайну ее душевных изъянов и борений⁴¹. Они стараются найти у исторической личности признаки психоневротических травм и заболеваний, якобы вызванных «вытесненными стремлениями», а именно, манию преследования, патологические сексуальные влечения, непомерную боязнь одиночества, болезненное пристрастие к уединению, суеверия и т. п. В результате жизнь исторического деятеля предстает в их интерпретации как выражение параноидного или маниакального состояния. Именно в этом ключе пишутся далекие от исторической правды психоаналитические биографии политических деятелей; в них, как разъясняют американские политологи Маркузе и Эдингер, фиксируются психические потрясения и травмы, чтобы установить связующие нити между бессознательной инстинктивной сферой с ее начальным злом и сублимированием в виде политических мнений и действий личности, осознавшей свою общественную особенность⁴². Эдингер в жизнеописании лидера германских социал-демократов Курта Шумахера исходит из наличия «военного» невроза — травмирующего потрясения, усматривая ключ к пониманию осознанных действий этого главы СДПГ в «психосоматической травме, связанной с потерей руки во время первой мировой войны». В изображении Эдингера социальная среда и общественные коллизии служат лишь фоном для проявления данного психического комплекса⁴³.

В эту наезженную колею попадают и психобиографии о Лютере и Ганди, о Вильсоне и Франклине и многих других политических деятелях прошлого. Созерцательность, непротивленчество, жертвенность и другие индивидуальные особенности становятся здесь своеобразным фокусом, где преломляются как этапные исторические события, так и весь спектр человеческих ценностей. Анализируя психоаналитический этюд Ф. Клафа, Безансон отметил: «Сомнительно, чтобы настойчивое подчеркивание роли невроза в поражении Наполеона представляло какой-либо исторический интерес»⁴⁴. Данное замечание в равной мере относится и к другим психоаналитическим изысканиям, особенно к тем, в которых в поисках мнимых сенсаций авторы описывают жизнь и дела пролетарских революционеров, стараясь при этом так препарировать материал что

³⁹ M. M a l i a. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. Harvard, 1961; A. B e s a n ç o n. Histoire et Psychoanalyse. — «Annales», mars—avril 1964, p. 248—249.

⁴⁰ H. M a r k u s e. Triebstruktur und Gesellschaft. Frankfurt a/M., 1968; A. M i t t s c h e r l i c h. Das soziale und persönliche Ich. — «Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie», 1966, № 3; C. S t r o u t. Ego Psychology and the Historian. — «History and Theory», 1968, № 3, p. 281—297.

⁴¹ G. B e n n. Doppelleben. Wiesbaden, 1950.

⁴² H. M a r k u s e. Psychoanalysis und Politik. Frankfurt a/M., 1968.

⁴³ L. E d i n g e r. Kurt Schumacher. A Study in Personality and Political Behavior. Stanford, 1967.

⁴⁴ F. S. K l a f. Napoleon and the Grand Army of 1814. — «Psychoanalytic Review», 1960, № 3. Оценку Безансона см. «Annales», mars — avril 1964, p. 247.

научная значимость подобного анализа полностью исключается. Читателю создается впечатление, что главное для автора — нарочитое выставление жестокостей и насилий, ставших со времени Фрейда коньком истории».

Сходные принципы неофрейдистского учения о трансформации инстингов в различные виды общественно-исторической деятельности изложены в работах американских профессоров Э. Эриксона, П. Блоса, Л. Брауна⁴⁵. Зачастую смысл этого учения усматривается в ссылках на реобразованную инфантильно-сексуальную склонность человека приносить боль в двух формах: садизма и мазохизма, испытывая удовлетворение от терзания своих жертв или собственных мучений. Нередко садизм и мазохизм рассматриваются как своего рода проявления инстинкта смерти⁴⁶. В результате исчезают действительно определяющие социальные, причинно-следственные связи, познание которых как раз и раскрывает истинную природу человеческой натуры. Человек — продукт социальной среды, ибо «действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений»⁴⁷.

Садистско-мазохистский подход неофрейдистов породил концепцию так называемой «авторитарной личности» и «авторитарного характера»: все люди якобы стремятся к безропотному подчинению авторитету и лишь у немногих из них с детства проявляется стремление к авторитарной власти. И вот они-то используют данную им свыше неиссякаемую волю и одержимость манией, направленной на установление этой власти⁴⁸. «Жажда власти, — пишет Э. Фромм, — это самое характерное проявление садизма»⁴⁹. Подобная страсть всегда направлена на то, чтобы унижить человека, поработить его, причинить ему муки и страдания, заведомо зная, что данный человек не может оказать сопротивления. Такого рода рассуждения о способе самовыражения личности и питают так называемую «социологию преследования» и «психологию концентрационных лагерей».

Тезис об изъятости из временного и исторического потока «авторитарной личности» и порабощении ею других людей оправдывает фашистскую политику истребления народов. Люди, мол, всегда вынуждены находиться во власти садистских личностей, которые стояли у кормила фашистского государства, неистовствовали в гестапо и загоняли свои жертвы в газовые камеры. Оказывается, печи Освенцима и штабеля жертв Бабьего Яра, смерть миллионов узников фашистских лагерей — это как бы всего лишь проявление неосмысленной жестокости человека с его жадной утвердить себя через разрушение и смерть.

Другой разновидностью «психоистории» является теория, согласно которой люди всегда находятся якобы в состоянии «эйфории жестокости», питаемой чувством безнадежности, одиночества и изоляции, стремлением освободиться от «резервуара разрушительности», подогреваемого ничтожностью человеческих деяний, ущемленным жалким «я», тщательно скрываемым от ближайшего окружения. Именно в таком виде предстают в психоаналитических изысканиях Мюнцер и Кромвель, Иван Грозный и Петр Первый, Сен-Жюст и Робеспьер, Фуше и Сорель, Победоносцев и Николай II, Гинденбург и Людендорф. Находясь в мазохистско-садистском состоянии, они отдаются во власть разрушительных инстинктов, которые

⁴⁵ См. В. М. Морозов. Указ. соч., стр. 108.

⁴⁶ E. H. Erikson. Kindheit und Gesellschaft. Stuttgart, 1965.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 36.

⁴⁸ Th. W. Adorno, E. Frenkel-Brunswick, P. J. Levinson, R. N. Sanford. The Authoritarian Personality. New York, 1950; G. Devereux. Charismatic Leadership and Crisis. — «Psychoanalyses and the Social Sciences», vol. IV. New York, 1955.

⁴⁹ E. Fromm. Escape from Freedom. New York, 1945, p. 189 (критический анализ работ Э. Фромма см.: Л. Эреш. Очерк концепции Э. Фромма. — «Вопросы философии». 1970, № 6).

приходят в конфликт с невротическим сознанием их вины в содеянном⁵⁰. В данном подходе психоанализ соприкасается с экзистенциалистской философией истории⁵¹.

В своем стремлении оправдать зверства фашизма психофизиологией психоанализ близок к другим попыткам биологизировать историю. Мальтузианство — яркий пример такого рода сведения причин обнищания рабочих к необузданным инстинктам размножения и самой грубой апологии капиталистической эксплуатации. Далее следует социальный дарвинизм, объяснявший богатство одних и бедность других «борьбой за существование» и «естественным отбором», что снимало проблему ответственности господствующих классов за угнетение и эксплуатацию народа.

Теперь психоанализ в применении к истории выполняет такую же роль — он старается отвлечь внимание от социально-классового гнета и конфликтных ситуаций и свести их к темным подсознательным влечениям.

Войны и агрессии психоаналитики объясняют накоплением у личности психосексуальной энергии и проявлением «инстинкта жестокости». Они пытаются подменить классовый анализ истории рассуждениями о роли секса и психических болезней, что с наибольшей отчетливостью выразилось в работах американских психоаналитиков А. Холлингшида и Ф. Редлиха и западногерманского историка Р. Рейхе⁵². И здесь явственно проступает смыкание психоанализа с социальным дарвинизмом, ибо как представители одного, так и сторонники другого направления переносят механические процессы, происходящие в животной среде, на общественную жизнь и игнорируют социально-классовые факторы. Пропагандируя идею о том, что войны инстинктивны, они внушают людям мысль о тщетности попыток добиться мира.

Западногерманский эколог К. Лоренц, изучающий взаимоотношения организма со средой, пишет, что агрессивность в человеческом обществе «представляет собой совершенно такое же самопроизвольное инстинктивное стремление («инстинкт агрессии»), как и у большинства других высших позвоночных животных». Далее он утверждает, что человеку якобы присущ «агрессивный инстинкт» (который так же извечен, как и первородный грех и передается из поколения в поколение), что он прирожденный убийца и этой естественной склонностью к насилию и объясняется индивидуальная и групповая агрессивность человека, его «опустошительная деятельность»⁵³.

Агрессивность, по мнению коллег Лоренца, — не только врожденное, но даже ценное качество человека с точки зрения его выживания как биологического вида. Правда, сторонники психоанализа несколько шокированы столь сильным акцентом нынешних социал-дарвинистов. Они делают вид, что принципиально расходятся с Лоренцом и критикуют его, о чем свидетельствует симпозиум «Является ли неудовлетворенной человеческая агрессия?»⁵⁴. Но на деле социал-дарвинизм и психоанализ

⁵⁰ M. F r e u n d. Propheten zur Revolution. Biographische Essays und Skizzen. Bremen, 1970; H. v o n H e n t i n g. Terror. Zur Psychologie der Machtergreifung. Frankfurt a/M., 1970.

⁵¹ H. M. R u i t e n b e e k (Ed.). Psychoanalysis and Existential Philosophy. New York, 1962; «Values in Conflict: Christianity, Marxism, Psychoanalysis, Existentialism». Ed. by V. Comerchero. New York, 1970.

⁵² A. H o l l i n g s h e a d, F. R e d l i c h. Social Class and Mental Illness. London — New York, 1958; F. R e d l i c h. Klassenzugehörigkeit, Kultur und Schizophrenie. — «Psyche», vol. XII, 1958; R. R e i c h e. Sexualität und Klassenkampf. Frankfurt a/M., 1971; R. H u n t. Social Class and Mental Illness. Some Implications for Clinical Theory and Practice. — «American Journal of Psychiatry», CXVI, 1960.

⁵³ K. L o r e n z. Das sogenannte Böse. Zur Naturgeschichte der Aggression. Wien, 1963; e g o ж e. Über das Töten von Artgenossen. Dortmund, 1955.

⁵⁴ A. M i t s c h e r l i c h. Die Idee Friedens und die menschliche Aggressivität. Frankfurt a/M., 1969; A. M i t s c h e r l i c h (Hrsg.). Bis hierher nicht weiter...

впряжены в одну упряжку. Согласно их совместному кредо «жестокая агрессивность только и ожидает, чтобы быть спровоцированной»; в качестве примеров этого приводятся: вторжение гуннов, монгольские завоевания, крестовые походы, экспансия европейцев в Африку и в Азию, многочисленные войны. По мнению Ф. Александера, «удовлетворение желаний силой» — это иррациональная сила нашего времени⁵⁵. Точно так же высказывался Маркузе⁵⁶. Но многие зарубежные прогрессивные историки и социологи поняли мрачный антигуманистический смысл подобных писаний и подвергли аргументированной критике указанные выше концепции социал-дарвинистского и психоаналитического толка⁵⁷. В противоположность психоаналитической трактовке бессознательных актов, марксизм-ленинизм дает объективную картину опосредствованного взаимодействия психики и общественных сил и раскрывает объективный аспект неосознаваемых форм психической активности личности, ничего общего не имеющих с мистификацией данной проблемы⁵⁸.

Психика, как продукт развития специфически человеческой, трудовой деятельности, выполняет реальную функцию в развитии человека — функцию его ориентирования в окружающей среде и управления его поведением. При этом законы развития психических процессов объясняются прежде всего законами общественно-исторического развития. Их полная характеристика включает в себя также и характеристику биологического развития психики.

Психоанализ паразитирует на интересе историков к аффективной жизни личности, их стремлении объяснить неосознаваемые противоречия между сферой «желаемого» и «должного», понять скрытые влечения и непривольные конфликты, возникающие между различными мотивами (конфликтная ситуация). Акценты здесь поставлены на роли бессознательного, как первоосновы общественно-исторического порядка. Оно, по мнению психоаналитиков, является-де движущим фактором исторического процесса⁵⁹.

Сторонники психоанализа абсолютизируют роль психической мотивации в поведении и деятельности личности. Это и есть образец того, как «любой отрывок, обломок, кусочек ... кривой линии [познания.— В. С.] может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов)»⁶⁰.

Неофрейдистское учение о личностном начале в истории сочетается с представлением о психических коллективных структурах, в частности с так называемой «психологией масс» или «массовой душой», которая используется буржуазными историками для объяснения массовых движений и течений в истории. Первоосновой этой структуры служит положение о бессознательном характере выступления масс. Отправляясь от работы французского социолога Г. Лебона⁶¹, З. Фрейд апеллировал к так назы-

⁵⁵ F. Alexander. Irrationale Kräfte unserer Zeit. Stuttgart, 1946.

⁵⁶ H. Markuse. Agressivität in der gegenwärtigen Industriegesellschaft. — «Agression und Anpassung in der Industriegesellschaft». Frankfurt a/M., 1968, S. 7—29.

⁵⁷ W. Hollitscher. Agression im Menschenbild Marx — Freud — Lorenz. Frankfurt a/M., 1970.

⁵⁸ М. О. Герцберг. Очерки по проблеме сознания. М., 1961; О. В. Кербиков. Лекция по психиатрии. М., 1955; А. А. Меграбян. О природе индивидуального сознания (в норме и патологии). Ереван, 1959; С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957.

⁵⁹ См. Ф. В. Басин. Указ. соч., стр. 385; В. М. Морозов. Философия волюнтаризма и психоанализ Фрейда. — «Журнал невропатологии и психиатрии», 1959, т. IX, вып. 5.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322.

⁶¹ См. Г. Лебон. Психология народов и масс. СПб., 1896.

ваемому «вытесненному бессознательному», которое придает выступлениям масс импульсивный характер⁶². Масса, рассуждает американский неореидист Э. Хофер, безлична, целиком зависит от спонтанности индивидуального действия, и ирреальное в этих действиях всегда имеет преимущество перед реальным⁶³. Налицо — явное неверие в историческое творчество народных масс. И данный ракурс, в котором изображаются народные массы, во многом сближает психоанализ с другими разнovidностями современной буржуазной методологии истории.

Исконно эгоистические и агрессивные инстинкты человеческой природы, полагают сторонники «массовой психологии», сами по себе бессмертны. Подавляемые политическими запретами и моральными ограничениями, а потому находящиеся до поры до времени в стадии инактивного влечения, в период революции они вдруг освобождаются от ига, вырываются из-под «цензурных запретов» на свободу и поднимают восстание против общественного уклада. Революции, таким образом, предстают как проявление особого «раскрепощенного инстинкта, присущего психологии масс, инстинкта, который не проявляется в других ситуациях»⁶⁴.

Даже некоторые буржуазные авторы вынуждены отметить научную несостоятельность подобного подхода. Американский социолог Ч. Джонсон, указывая на то, что «психоаналитические исследования революции не являются полезными», делает вывод о явно пропагандистском предназначении психоаналитических изысканий. «Данные о психологии революционеров должны быть увязаны с социальной системой», в противном случае они представляют только «средство опорочения движений, к которым мы, может быть, относимся неодобрительно»⁶⁵.

Усиленной психологизации подвергается фашистская диктатура, которая, оказываясь, явилась «следствием психической депрессии немецкого народа», «меланхолии немцев». Вся социально-политическая жизнь Германии фашистского периода объявляется выражением некоей «либидозной конституции немецкого народа». В то же время психоаналитики выступают сторонниками так называемой «коллективной вины» немецкого народа за преступления нацистского режима, пропаганда которой направлена на то, чтобы затушевать решающую роль монополий, вскормивших гитлеровскую партию и поставивших ее у государственного руля⁶⁶, и по сути оправдать злодеяния фашизма против человечности господством слепых, неуправляемых, подсознательных инстинктов.

Ту же цель преследуют и те, кто объясняет нацистский порядок «либидозной революцией индивидуализма», неким опозитизированным «психическим сдвигом» фашистского диктатора, точнее либидозным происхождением — болезнью Гитлера. Одни готовы усмотреть в решениях и действиях Гитлера всего лишь некоего «позирующего истерического авантюриста, который посмел иметь интимную патологическую связь с матерью» (Э. Эриксон), другие пускаются в разглагольствования о Гитлере как о «стремящейся к самоутверждению личности», о каком-то «сугубо уникальном случае предрасположенного к невротизму мелкого буржуа с «садистско-мазохистской двойственностью чувств между жаждой власти и страстным желанием ей подчиниться» (Э. Фромм), третьи готовы рассуждать об «аффектно-побудительной основе поступков Гитлера, которого не покидали чувства, продиктованные стремлением полностью овладеть

⁶² З. Фрейд. Психология масс и анализ человеческого «я». М., 1925, стр. 14.

⁶³ E. Hofer. The True Believer. Thought on the Nature of Mass Movements. New York, 1966.

⁶⁴ B. Mazlish. Group Psychology and Problems of Contemporary History.— «Journal of Contemporary History», 1968, vol. 3, № 2, p. 163—174.

⁶⁵ Ch. Johnson. Revolution and the Social System. Stanford, 1964, p. 24—26. Цит. по: B. Mazlish. Op. cit., p. 177.

⁶⁶ W. Reich. Die Massenpsychologie des Faschismus. Köln, 1971.

матерью путем убийства отца» (В. Дайм)⁶⁷. При этом психоаналитик Д. Ректенвальд исходит из того, что предков фашистского диктатора поразили дрожательный паралич (болезнь Паркинсона). Иной акцент в работах Э. Эриксона и Г. Рёрса. По существу неофрейдистский характер носят рассуждения Г. Риттера, М. Фрейнда и других буржуазных историков ФРГ о «демонии» нацистской власти, о «сатанинской», «надчеловеческой воле Гитлера», которая позволила ему «переделать историю соответственно своим извращенным идеалам». Как в них, так и в других неофрейдистских изысканиях появление национал-социалистского режима и его изуверская практика объявляются «исключительно психологической и психопатологической проблемой»⁶⁸.

Точно в таком же ключе написаны неофрейдистские работы о других главарях фашистского рейха. Профессор Калифорнийского университета П. Левенберг на материалах недавно обнаруженных юношеских дневников Гимmlера пытается объяснить преступления этого омерзительного палача ссылками на то, что «он был шизоидной личностью», что ему были присущи черты человека с психопатологическим синдромом навязчивых состояний (компульсивным помешательством)⁶⁹. Пытаясь вскрыть причины политической карьеры Гимmlера, Левенберг концентрирует внимание лишь на анализе дневников молодого Гимmlера и оставляет в стороне все другие исторические источники, которые свидетельствуют о том, что психофизиологическая индивидуальность Гимmlера-подростка еще не могла предопределить его судьбу как шефа гестапо. Ключ — в социально-классовых условиях, при которых государство монополистического капитала благоприятствует такого рода индивидуальностям достичь вожделенной власти и прославиться неимоверной кровожадностью⁷⁰.

Несомненна родственность неофрейдизма с мистификацией реальных исторических проблем, свойственной буржуазной историографии вообще. Говоря о создании и гибели фашистского рейха, западногерманский реакционный историк М. Фрейдн заранее объявляет эту кровавую страницу немецкой истории неподвластной историческому объяснению; «она не только непонятна, но и непостижима»⁷¹. Столь откровенно сформулированный агностицизм сожителяствует с тезисом о том, что это бесчеловечное время в немецкой истории, когда германским государством правили профессиональные палачи, — всего лишь некое мистическое наваждение, выпавшее на долю немецкого народа. Более того, оказывается, фашистский период в истории Германии может быть понят лишь как «эпилептический припадок немецкого народа». И в работах других буржуазных авторов проводится мысль о том, будто фашистское государство — это власть психически ненормальных людей, патологических извращенцев, которые в нормальное время должны были бы находиться под властью психиатров.

Все рассуждения подобного рода преследуют одну цель — снять с фашистов ответственность за содеянные злодеяния. Однако факты свидетельствуют о том, что фашизм отнюдь не мистическое наваждение, а поро-

⁶⁷ H. Grebing. Auf den Spuren des Verhängnis. Die Literaturbericht. — «Politische Studien», H. 126, 1960, S. 692; B. Smith. Adolf Hitler. His Family, Childhood and Youth. Stanford, 1967.

⁶⁸ J. Rectenwald. Woran hat Hitler gelitten? Eine neuropsychiatrische Deutung. München — Basel, 1963; E. H. Erikson. Die Legende von Hitlers Kindheit. «Psychoanalysis and the Social Sciences», 1950, H. 2; е р о ж е. Kindheit und Gesellschaft. Stuttgart, 1955; H. D. Röhrens. Hitlers Krankheit. Tatsache und Legende. Neargemud, 1966; F. Yetzinger. Hitlers Jugend. Phantasien, Lügen und die Wahrheit. Wien, 1956; F. Achille-Delmas. Adolf Hitler. Essai de biographie psychopathologique. Paris, 1946; W. Treher. Hitler, Steiner, Schreber. Ein Beitrag zur Phänomenologie des kranken Geistes. Emmenlingen, 1966.

⁶⁹ «American Historical Review», vol. 76, 1971, № 3, p. 616.

⁷⁰ Ibid., p. 641.

⁷¹ M. Freund. Das Dritte Reich 1933—1945. Gütersloh, 1967, s. 7.

ждение германского империализма и милитаризма. Главари нацистского рейха, эсэсовские войска и другие специализированные фашистские части набирались не из кандидатов в сумасшедшие дома. Садистами и убийцами они стали в условиях фашистского режима, при котором культивировались низменные человеческие инстинкты.

Неофрейдизм исходит из фатальной предрешенности социального зла, порождаемого эксплуататорским строем и бесполезностью борьбы с ним. Стараясь показать так называемую патологическую структуру исторического типа общества, психоаналитики ставят страдания, причиняемые эксплуататорским строем личности, в зависимость от импульсивных действий и «индивидуальных страданий» самой личности — жертвы своих эмоций и страстей⁷². Страдания выступают у них как неистребимое зло, как неизбежный компонент исторического развития личности, которая всегда якобы находится во власти слепого случая. Отсюда и пессимизм всей психоисторической концепции — бессмысленно и жертвенно гибнут люди, независимо от того, чьи классовые интересы они представляют. Нечего и говорить, что в данном случае не может быть и речи об исторической достоверности.

Нередко неофрейдисты формально выступают как бы с критикой капиталистического строя — мира насилия и узаконенного безумия. Для них оно — душевно больное неврологическое общество, в котором все зависит от бессознательных импульсов, готовых в любой момент воспламениться, ибо они лишь до поры до времени насильственно подавляются и обузываются. Именно так освещается современное молодежное движение и другие социальные выступления. Они предстают в работах Э. Эриксона и Г. Маркузе в качестве внутреннего сексуально окрашенного конфликта юношеского мира, спроецируемого вовне в «иррациональный мир» в виде какого-то «сексуального взрыва»⁷³. В результате — вместо того, чтобы обнажить пороки и противоречия капитализма, сторонники психоанализа затушевывают их.

Весьма скудные познавательные способности психоанализа отмечает французский историк М. де Серто. На основе анализа книги основоположника фрейдизма «Демонические неврозы в XVII веке» и работ его последователей он приходит к следующему выводу: «Определенные работы как по этнологии, так и по истории показывают, что психоаналитические исследования рискуют превратиться в новую риторику и стилизованные модели». Далее он отметил, что фрейдизм в применении к истории «превращается лишь в инструмент декоративного характера» и никак «не объясняет необъяснимое, вынужденный демонстрировать свое невежество; это происходит тогда, когда объяснения экономического или социологического характера остаются за пределами фрейдизма»⁷⁴.

Психоаналитическое объяснение истории ныне представлено так называемой психологией поведения, крайней и наиболее грубой формой которой является бихевиоризм (от *англ.* «behavior» — поведение). Исходные принципы данного направления наиболее синтезировано и отчетливо сформулированы в сочинениях американских психологов Д. Б. Уотсона (1878—1950) и Э. Л. Торндайка (1874—1949). Недавно об этих принципах подробно рассказал Р. Беркхофер⁷⁵.

⁷² H. P. D r e i t z e l. Die gesellschaftlichen Leiden und das Leiden an der Gesellschaft. Stuttgart, 1968; H. M a r k u s e. Der eindimensionale Mensch. Frankfurt a/M., 1968.

⁷³ E. H. E r i k s o n. Identity, Youth and Crisis. New York, 1968; H. M a r k u s e. Versuch über die Befreiung. Frankfurt a/M., 1969; «Du und deine Komplexe». — «Konkret», 1970, № 5; «Sein und Bewusstsein». — «Konkret», 1970, № 13.

⁷⁴ M. de C e r t e a u. Ce que Freud fait de l'histoire. — «Annales», mai — juin 1970, p. 655.

⁷⁵ R. B e r k h o f e r. A Behavioral Approach to Historical Analysis. New York, 1969.

Оценка роли личности в истории сводится в бихевиористских изысканиях к примитивной характеристике сугубо физиологических раздражений и ответных реакций человеческого организма (и скрывающихся за ними внутренних психологических процессов) на социальную среду, которая изображается лишь как условие для проявления ощущений и других психофизиологических комплексов, выступающих в качестве доминантов исторического процесса. На эту сторону обратили внимание и некоторые буржуазные историки. Так, орган Калифорнийского университета «*Journal of Social History*» указал, что Р. Беркхофер «рассматривает события человеческой истории как реакции организма на стимулы (воздействующие извне), а не как действия людей или групп людей, избирательно реагирующих на проблемы и возможности окружающей среды»⁷⁶.

Особенно явственно антиисторизм бихевиористского подхода проступает тогда, когда его адепты обращаются к освещению истории СССР. Профессор Гарвардского университета А. Улам констатирует, что в американской марксологии и советологии процветает бихевиоризм. Однако принятие бихевиористских принципов означает для этих историков полный разрыв с историзмом. Ритуал сторонников этой концепции, по словам того же А. Улама, «требует торжественного отречения от историзма и использования различных методов, наугад притянутых из области математики и других наук»⁷⁷.

Бихевиористская философия предопределяет антиинтернационалистскую концепцию, согласно которой межнациональные отношения будто бы управляются неизменными и неистребимыми инстинктами и что отчужденность наций друг от друга заложена якобы в самой природе людей. Для буржуазных авторов нация — это «бессознательная психическая общность», а национализм, сознательно культивируемое чувство презрения к людям другой национальности — проявление «таинственных законов плоти и чувства», следствие интуитивного осознания человеком своей национальной принадлежности. В данном случае бихевиоризм служит средством для пропаганды «вируса национализма», оправданием шовинизма, порождаемых эксплуататорским обществом вообще, империалистическим в особенности.

Бихевиористская концепция подводится и под понятие патриотизма, которое наполняется социал-дарвинистским содержанием. Американский антрополог Р. Ардри в книге «Территориальный императив» связывает агрессивность в человеческом обществе с проблемой территориального поведения животного. Он пишет: «Когда мы защищаем права или независимость нашей страны, мы действуем под влиянием побуждений, которые ничем не отличаются от соответствующих побуждений у более низкоорганизованных животных». И добавляет: «я уверен, что многочисленные территориальные разногласия представляют собой реакцию человека на императив, подчиняющий себе в равной мере и дрозда-пересмешника и человека»⁷⁸.

Бихевиористская конструкция определяет и обработку буржуазными историками неистощимо богатых цифровых материалов на электронных вычислительных машинах для создания так называемых коллективных биографий. Конечно, сама по себе постановка вопроса о привлечении ЭВМ для обработки этого материала не вызывает возражений, ибо количественный анализ, как показали советские авторы, не отменяет, а дополняет другие методы исторического исследования⁷⁹. Однако бихевиоризм

⁷⁶ «*Journal of Social History*», Winter 1970—1971, vol. 4, № 2, p. 159.

⁷⁷ A. U l a m. USA — Some Critical Reflections. — «*Survey*», 1964, № 5, p. 53.

⁷⁸ Цит. по: С. К а р р и г е р. Войны нет в наших генах. — «*Курьер*», август—сентябрь 1970, стр. 42.

⁷⁹ Ю. Л. Б е с с м е р т н ы й. Некоторые проблемы истории дворянства в Северной Франции конца XII—начала XIX в. — «*Французский ежегодник*, 1966». М., 1967; Д. В. Д е о п и к, Г. М. Д о б р о в, Ю. Ю. К а х к, И. Д. К о в а л ь ч е н к о,

пытается паразитировать на вполне обоснованном стремлении историков облегчить свой труд путем алгоритмизации и передачи вычислительным машинам ряда функций исследовательского процесса, на желании авторов расширить круг источников и увеличить объем исходной информации, прежде всего за счет вовлечения в сферу своих исследований источников массовых обследований.

Бихевиористская философия навязывает себя в качестве общеметодологической базы для кибернетических методов и новых технических средств получения и обработки исторических источников. К работам подобного характера относятся: диссертация М. Окенфуса об образовании в России в петровский период (систематизация данных о школах, учителях и воспитателях); им же запрограммированы для счетно-вычислительной машины биографические данные людей, живших в XVIII в. и принадлежавших к различным социальным слоям русского общества. У. Питчер подвергает анализу данные о чиновниках царской России середины XIX—XX вв.⁸⁰

Если при освещении дореволюционных событий буржуазные историки прибегают к счетно-вычислительным машинам эпизодически и в основном профессионально, то иная картина наблюдается в освещении истории СССР советского периода. Здесь имеет место массивная обработка на ЭВМ материала для самых разнообразных, но прежде всего антисоветских целей, что явствует из работ профессора Колумбийского университета Дж. Фишера⁸¹. Ему следуют и некоторые другие буржуазные историки и экономисты, которые зачастую не только не заботятся об установлении степени достоверности исходной информации, но закладывают в машины заведомо ложные данные, пускают в ход любые бездоказательные рассуждения о советских людях. Из этого явствует, что познавательный арсенал буржуазных историков служит в данном случае для пропаганды антикоммунизма.

Однако процесс проникновения бихевиоризма в историографию протекает отнюдь не гладко. Даже единомышленники Дж. Фишера весьма критически относятся к его изыскательским приемам. Западногерманский журнал «*Kölnner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*» выразил удивление в связи с тем, что общетеоретические размышления автора о «тоталитаризме», «плюрализме» и «индустриализации» «не связаны с самой логикой анализа данных». Действительно, Дж. Фишер и его коллеги в погоне за модой пренебрегали элементарной добросовестностью в обращении с информационным материалом.

Многие буржуазные авторы осуждают практику воссоздания историко-биографических работ на основе применения бихевиористской и иных разновидностей психоанализа. По словам директора вашингтонского Института по изучению китайско-советских отношений проф. К. Лондона

Х. Э. П а л л и, В. Л. У с т и н о в. Количественные и машинные методы обработки исторической информации. М., 1969, стр. 14; Ю. К а х к, Х. Л и г и. К вопросу об экономическом положении и феодальных повинностях крестьян в Эстляндской губернии в XVIII в. (Опыт применения электронно-счетных машин в историческом исследовании). — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Минск, 1964; И. Д. К о в а л ь ч е н к о. Об опыте математико-статистической обработки выборочных данных о крестьянском хозяйстве в России XIX века. — «Вестник МГУ». Серия IX, 1966, № 1; И. С и л ь д м я э, Л. В ы х а н д у. О применении математических методов и проработка данных о феодальной ренте. — «Ученые записки Тартуского государственного ун-та, вып. 183. Тарту, 1966; К. В. Х в о с т о в а. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). Историко-социологический очерк. М., 1968. и др.

⁸⁰ Буржуазные авторы достигают определенных успехов только в тех случаях, когда речь не идет о методологической обработке информации. Так, например, было плодотворным применение профессором Гарвардского университета Э. Кинаном методов сравнительной и структурной лингвистики для восстановления утраченных грамот-первоисточников, для изучения отношений Московского государства с татарскими государствами в XV и XVI вв. — «ANA Newsletter», June 1969, p. 22—25.

⁸¹ G. F i s c h e r. The Soviet System and Modern Society. New York, 1968.

в аргументации представителей бихевиористской и других психологических школ «выявляются скорее их собственные идеологические предположения о характере России». Не менее прав А. Верт, который незадолго до своей смерти отметил, что буржуазная советология и кремлелогия — это «в основном — гадание и часто весьма приблизительное гадание, которым занимаются люди, не имеющие непосредственного контакта ни с Россией, ни с русской жизнью»⁸².

Группа американских авторов на основе анализа бихевиористских работ, посвященных деятельности Организации Объединенных Наций, пришла к выводу: «Бихевиористские исследования, по-видимому, принесли самое большое разочарование в том, что составляет их главную задачу — в построении теории»⁸³.

Понимание прошлого и настоящего в современной буржуазной историографии в значительной степени пронизано психологизмом, который основывается на признании подсознательных влечений, заключенных в «тайниках души». Психическая реальность и психическая причинность сводятся авторами в различных вариациях к психофизиологическим и мистическим умозаключениям, не имеющим точек соприкосновения с исторической конкретной действительностью.

Говоря об эклектизме как отличительной черте буржуазного мировосприятия, В. И. Ленин отметил, что подход буржуазных историков «якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и прочее, а на деле не дает никакого цельного... понимания процесса общественного развития»⁸⁴. Являясь одной из современных форм псевдоисторизма, психоанализ соткан из разнородных субъективных психологических концепций, подчас слабо совместимых и даже противоречащих друг другу, что свидетельствует о резком снижении уровня теоретического осмысления исторического развития. В результате — объективное изображение событий прошлого психоаналитики подменяют искусственной, весьма произвольной и даже извращенной картиной.

Пытаясь приковать внимание читателей к «скрытому и совершенно таинственному духовному миру исторической личности», подарить им миг «волнующего соприкосновения» с еще «неразгаданной тайной» подсознательного, психоаналитики стремятся превратить психоанализ в модную утилитарно-философскую доктрину исторического восприятия, породить сомнение в общественно-исторической обусловленности классовой борьбы и закономерности исторического процесса. Именно поэтому их историческое мирозерцание никак не может быть воспринято как дуновение «нейтрального» историологического течения, не обремененного-де «старым» грузом метафизического материализма и идеализма. Психоанализ представляет собой историософское типично идеалистическое явление. В то же время этот примитивный психофизиологический подход к личности и массе отбрасывает то главное, что определяет общество и социальную природу человека, социально-экономическую структуру и классовые отношения. Реакционная роль вторжения психоанализа в историографию состоит в отвлечении внимания от социальных и политических конфликтов к психофизиологическим универсальным подсознательным инстинктам. Вот почему одной из задач марксистско-ленинской исторической науки является неустанная, глубокая и эффективная критика психоаналитических работ буржуазных историков.

⁸² K. L o n d o n. The Soviet Union and the West. — «Current History», October 1969, p. 197—198; A. W e r t h. Russia. Hopes and Fears. London, 1969, p. 20.

⁸³ R. E. R i g g s, K. F. H a n s o n, M. H e i n z, B. B. H u n g h e s, Th. V o l g y. Behaviourism in the Study of the United Nations. — «World Politics», January 1970, p. 230.

⁸⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 21.